

летать на крыльяхъ, а не бѣгать ногами. Истинная жизнь человѣка проявляется въ томъ, какъ относится его разумное сознание къ его животной личности; истинная жизнь начинается только тогда, когда появляется отрицание блага животной личности.

Причиной ложнаго знанія является неправильная перспектива, въ которой предметы представляются человѣку. Ему кажется, что всего легче познать мертвое вещество, затѣмъ—животныхъ и, наконецъ, другихъ людей. Ему кажется всего болѣе труднымъ уяснить себѣ собственное разумное сознание. Въ дѣйствительности же, все совершается какъ разъ наоборотъ. Съ наибольшою несомнѣнностью человѣкъ можетъ знать благо, къ которому стремится, и разумъ, который указываетъ ему это благо. Онъ знаетъ и животную природу своей личности. На этомъ и оканчивается его истинное знание. Невозможность истиннаго знанія другихъ людей происходитъ уже оттого, что человѣкъ видитъ ихъ сотни и тысячи и знаетъ, что есть, были и будутъ люди, которыхъ онъ не видалъ и никогда не увидитъ. Животныхъ, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, онъ видитъ огромное количество; чѣмъ оно больше, тѣмъ менѣе возможно познать ихъ. Растенія стоятъ отъ человѣка еще дальше, а всего дальше—мертвое вещество. Человѣкъ всего меньше понимаетъ именно это послѣднее. Наше знание міра вытекаетъ изъ сознанія нашего стремленія къ благу. Если мы знаемъ жизнь животныхъ, то лишь потому, что видимъ въ нихъ стремленіе къ благу. Намъ непонятно благо вещества; мы знаемъ его только потому, что видимъ въ немъ необходимость подчиненія закону разума, который имъ управляетъ.

Мы не можемъ понимать жизнь человѣческую иначе, какъ подчиненіе животной личности закону разума. Если движенія человѣка сильны и быстры, но совершаются въ бреду, сумасшествіи, пьянствѣ или даже въ порывѣ страсти, то мы не считаемъ его живымъ, а признаемъ въ немъ только возможность жизни. Если же человѣкъ слабъ и неподвиженъ, но его животная личность подчинена разуму, то мы признаемъ его живымъ. По ходячему представленію, жизнь человѣка есть періодъ времени отъ рожденія и до смерти его животнаго. Но этотъ періодъ обнимаетъ существованіе человѣка только, какъ животной личности. Жизнь же человѣческая лишь проявляется въ животномъ существованіи, какъ жизнь органическая только проявляется въ веществѣ. Въ животной личности человѣка не можетъ быть жизни, а потому отреченіе отъ блага этой личности есть законъ человѣческой